
ЛИТЕРАТУРА И ФИЛОСОФИЯ

УДК: 130.2

ЖУЛЬКОВА К.А.¹ КОНЦЕПЦИЯ Л.Н. ТОЛСТОГО О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ КАК «ЖИЗНЕУЧЕНИЕ». (Обзор). DOI: 10.31249/lit/2021.01.08

Аннотация. Отражение философских идей и их трансформация в публицистическом, художественном творчестве и в жизни Л.Н. Толстого прослеживается на примере концепции о непротиивлении злу насиллем. Духовное преображение человека, осмысленное в работах «Исповедь», «Краткое изложение Евангелия», «В чем моя вера?», «О жизни», «Закон насилия и закон любви», воплощенное в романах «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», – не только философская идея, но и жизненная программа, «жизнеучение» Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; непротиивление злу насиллем; религиозно-философское учение; толстовство; христианство; анархизм.

ZHULKOVA K.A. Leo Tolstoy's doctrine of non-resistance to evil by force as a «life-teaching». (Review).

Abstract. The reflection and transformation of philosophical ideas in the fiction and essays by Leo Tolstoy and in his life is demonstrated in the discussion of the doctrine of non-resistance to evil by force. The spiritual growth of a person is not only a philosophical idea, but also a life plan and «life-teaching» of Leo Tolstoy presented in

¹ Жулькова Карина Алевовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

the works *A Confession, The Gospel in Brief, My Religion, On Life, The Law of Love and the Law of Violence* and in the novels *War and Peace, Anna Karenina and Resurrection*.

Keywords: L.N. Tolstoy; non-resistance to evil by force; religious and philosophical doctrine; Tolstoyan movement; Christianity; anarchism.

Для цитирования: Жулькова К.А. Концепция Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилем как «жизнеучение». (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7 : Литературоведение. – 2021. – № 1. – С. 90–98. – DOI: 10.31249/lit/2021.01.08

«Идеи Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилем являются глубоко продуманной и прочувствованной жизненной позицией, воплотившейся не только в произведениях писателя», – замечают В.П. Римский, С.В. Резник, К.Е. Мюльгаупт, акцентируя мысль о том, что «ненасилие Толстого больше, чем философская система, религиозная концепция, этическая программа или какая-либо иная локальная доктрина. Скорее это жизнеучение...» [6, с. 92].

В статье «Концепция Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилем и ее духовная направленность» [5] В.В. Кузьменко (Днепропетровск) утверждает, что проблему непротивления писатель подспудно решает еще в романах «Война и мир» (1867) и «Анна Каренина» (1877).

Напоминая о кризисе, которым завершился классический период, принесший человечеству такие шедевры, как роман-эпопея «Война и мир», «Анна Каренина», О.С. Есман и Г.Н. Калинина (Белгород) [3] уточняют, что Толстой активно разрабатывает философские позиции, в частности идею непротивления, с конца 1870-х годов. Авторы статьи обращаются к повести «Смерть Ивана Ильича» (1882–1886), рассматривая концепцию о непротивлении в рамках категорий «пограничное состояние», «смысл жизни», «высшая ценность».

Герой повести, Иван Ильич, в критическом (пограничном) состоянии через страдания, моральные и физические, осознает тщетность основных материальных ценностей, борется с пониманием фальшивости, «неправильности» прожитой жизни. Вводя в повесть двух праведных персонажей – «простого мужика» Гера-

сима и сына главного героя, писатель дает ответ на вопрос о смысле сущего, заключающийся в доброте, искренности, смиренности. Толстой поднимает основные вопросы бытия человека со свойственным экзистенциалистам ощущением мира вообще через внутренний мир человека. О.С. Есман и Г.Н. Калинина отмечают, что экзистенциальные смыслы писатель подробнее раскрывает в философской концепции о непротiwлении злу насилieм. Для него насилie – замкнутый круг, средоточие зла, порождающего самое себя и противостоящее качественно основной ценности общества, обеспечивающей смысл всего сущего, а заповеди Христа являются идеалом поведения человека, руководством к каждодневному поведению.

И.И. Евлампиев и И.Ю. Матвеева (Санкт-Петербург) [2] полагают, что Толстой подводит итоги произошедшего с ним мировоззренческого переворота в книге «В чем моя вера?» (1884). Пытаясь понять, в чем суть подлинного учения Христа, он в качестве главного элемента признает Нагорную проповедь. Исследователи уточняют: «Смысл христианства Толстой видит только в одном: в принятии и беспрекословном исполнении всеми людьми заповедей Нагорной проповеди, в связи с этим отвергает церковное представление о том, что человек может быть совершенным только в посмертной жизни» [2, с. 167].

Такая трактовка вызвала критику большинства современных писателю мыслителей, утверждавших, что в учении Толстого христианский идеал сводится «на землю», а материя и дух слишком радикально противопоставляются в человеческом существе («злой» материи противостоит «добрый» дух). Отрицание бессмертия личности и упование на совершенство земного человечества было понято как отрицание сущности религии в пользу идеи гуманистического прогресса.

Наиболее веское возражение против той формы непротiwления, которую демонстрирует Толстой, дал В.В. Розанов в статье 1896 г.¹ Признавая значение указанной заповеди Христа, Розанов отрицает ее абсолютность, указывает на то, что еще до того, как Христос дал заповедь непротiwления злу, он выгнал торгующих из

¹ Розанов В.В. Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении о непротiwлении злу // Л.Н. Толстой : pro et contra. – Санкт-Петербург : РХГА, 2018. – С. 264–273.

храма, т.е. применил к ним силу. Философ видит смысл истории изгнания торгующих из храма в необходимости отделить святое от земного.

По мнению И.И. Евлампиева и И.Ю. Матвеевой, Розанов правильно уловил, возможно, главный недостаток построений Толстого. Однако писатель и сам почувствовал слабость своей позиции и к тому времени, когда Розанов опубликовал свою статью, уже изменил ее. На первый план он выдвинул представление о двух разных уровнях существования человека – жизни земной и жизни божественной, признавая заповедь непротиивления значимой в полной мере только для людей, перенесших центр своего существования на высший уровень.

Исследователи замечают, что впервые различие двух уровней ясно формулируется в трактате «О жизни» (1888), где Толстой решительно утверждает, что, открывая для себя божественную жизнь, человек прежде всего осознает иллюзорность своей независимости от других людей: высшая жизнь оказывается жизнью в единстве, буквально в «слитности» с другими людьми. Он констатирует, что принцип непротиивления имеет не чисто моральную сущность, а религиозную и что правильное отношение к нему предполагает мистическую перспективу соединения с Богом и всем бесконечным бытием.

И.И. Евлампиев и И.Ю. Матвеева полагают, что наиболее неожиданно выглядит присутствие размышлений, близких к этому принципу, в творчестве Ф.М. Достоевского: «В романе “Бесы” герой-идеолог, выражающий многие заветные идеи писателя, Кириллов, представлен подлинно религиозной личностью, ищущей высший смысл существования; важнейшей чертой его религиозности является наличие мистических состояний (“пяти секунд” вечной гармонии)¹, в которых он соединяется со всем бытием... В косноязычных, но одновременно и пророческих словах Кириллова можно угадать уже известную нам мысль о разделении двух уровней жизни и двух форм сознания человека – земного, “животного” отношения к людям и миру и религиозного, божественного» [2, с. 176, 177].

¹ Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1974. – Т. 10. – С. 450.

Особенно показательным свидетельством внутренней логичности того обоснования принципа непротivления, к которому Толстой пришел в конце жизни, является косвенное согласие с ним самых яростных его критиков. Например, Л.П. Карсавин, который прежде очень резко высказывался об учении Толстого, в работе «Церковь, личность и государство» (1927) оценивает это учение более объемно и сложно, и, рассматривая бесконечно выставляемую против Толстого ситуацию, в которой разбойник нападает на младенца и хочет его убить, утверждает, что человек праведный и святой, вероятно, сможет остановить его «с помощью одного какого-нибудь жеста, слова или взгляда, одним не рассчитанным, непосредственным изъяснением своего существа»¹. А Н.А. Бердяев в работе «Русская идея» (1946) неожиданно начинает защищать Толстого от обвинений в рационализме и признает, что учение Толстого в полном смысле религиозно, а значит – мистично, и именно в мистической перспективе жизни в Боге принцип непротivления оказывается безусловным законом.

В.П. Римский, С.В. Резник и К.Е. Мюльгаупт (Белгород) [6] полагают, что основные толстовские идеи в области критики любых форм насилия сформировались в процессе создания романа «Воскресение» (1899), начало работы над которым, по мнению исследователей, можно датировать 1887 г., когда писатель услышал от А.Ф. Кони рассказ о несчастной девушке. К этому времени уже были написаны такие философско-публицистические работы, как «Исповедь» (1879), «Краткое изложение Евангелия» (1880), «В чем моя вера?» (1884), «О жизни» (1887). Окончательная же редакция романа по времени совпадает с трактатом «Царство Божие внутри нас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание», опубликованным в 1906 г.

Авторы статьи прослеживают процесс взаимопроникновения художественного и публицистического у Толстого. Прямые публицистические мысли писателя вторгаются в художественно-образную, живую ткань человеческих судеб романа «Воскресение» (роман начинается с описания тюрьмы и судебного заседания). Итоговое произведение «Закон насилия и закон любви» (1908) в

¹ Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Карсавин Л.П. Соч. – Москва : Раритет, 1993. – С. 440.

свою очередь включает образное, в лицах, описание суда, перекликающееся с судебным заседанием в романе (глава XII первой части).

Прямая критика государственного и правового насилия содержится в осмыслении Нехлюдовым права и законов. Он осознает, что «всякого рода насилия, жестокости, зверства не только не запрещаются, но разрешаются правительством, когда это для него выгодно, а потому тем более позволено тем, которые находятся в неволе, нужде и бедствиях»¹. Тяжелый опыт познания Нехлюдовым мерзости государственного и индивидуального насилия в тюрьмах и ссылке, несправедливости в судах и семьях, знатных и бедных, заканчивается для него в последней главе романа внезапным, но очевидным открытием в Евангелии истин любви, покаяния, прощения и непротиивления, совершенно просто, обычными словами проповеданных Христом: «Ответ, которого он не мог найти, был тот самый, который дал Христос Петру: он состоял в том, чтобы прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать, потому что нет таких людей, которые бы сами не были виновны и потому могли бы наказывать или исправлять... Нехлюдов понял теперь, что общество и порядок вообще существуют не потому, что есть эти узаконенные преступники, судящие и наказывающие других людей, а потому, что, несмотря на такое развращение, люди все-таки жалеют и любят друг друга»².

Оказавшись присяжным по делу обвиняемой в убийстве проститутки Катюши Масловой, в которой узнал соблазненную им некогда и брошенную горничную своих тетушек, Нехлюдов осознает личную вину и вину своего класса в падении миллионов таких Катюш. Потрясенный этим осознанием, он порывает со своей средой и отправляется вслед за Масловой на каторгу. «Скачкообразное превращение Нехлюдова из барина, легкомысленного прожигателя жизни, в искреннего христианина (христианина не в церковном, а этическом смысле этого слова) началось на эмоционально-духовном уровне в форме глубокого раскаяния, пробудившейся совести

¹ Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 13. – С. 424.

² Там же. – С. 456, 457.

и сопровождалось напряженной умственной работой», – отмечают исследователи [6, с. 79].

В.П. Римский, С.В. Резник и К.Е. Мюльгаупт замечают, что когда говорят о христианском «преображении», то часто эту духовную практику соотносят с античной метанойей (переменой), но Л.Н. Толстой нашел более точное название для христианского преобразования, отличающее его от дохристианской «практики себя», для него духовное обновление личности – воскресение.

А.А. Безруков (Армавир) [1], упоминая хрестоматийный факт, просьбу умирающего Тургенева: «Лев Николаевич, вернитесь, вернитесь в художественное творчество», – связывает состоявшееся возвращение Толстого со становлением религиозного учения, т.е. толстовства. Именно поэтому в 1880–1890-е годы центральная тема вернувшегося в литературу Толстого – нравственный переворот, духовное прозрение героя. Герой сконцентрирован на себе, на своей жизни, и приходит к выводу, что эта жизнь была эгоистическая, пустая, несущая в себе безразличие к окружающим (повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886), рассказ «Хозяин и работник» (1895)).

В рассказе «После бала» 1903 г. Толстой приводит своего героя Ивана Васильевича к неожиданному перевороту, выводя заветную формулу неучастия во зле, где зло – это государственные институты, военная служба, любая служба вообще.

«Толстой верил в принцип неучастия в государственных институтах, во власти, в его зло-деяниях. И связывал он это не с желанием разрушить таким способом государство, но со стремлением спасти самого человека, его подлинное духовное “Я” от удушающей липкой лжи культуры, многочисленных “ширм”, условностей, законов и символов, которыми цивилизация заслонила человека от самого себя, невольно превращая его в “автомат” мыслей и действий. Этот тезис стал практическим воплощением толстовского теоретического учения о непротivлении злу насилем. Многие и здесь увидели явный анархический призыв к развалу власти путем пассивного саботажа», – заявляет С.М. Климова (Москва) [4, с. 76]. Между тем речь идет о духовном преобразении, призванном изменить мир.

По мнению С.М. Климовой, взгляды Толстого с очевидностью демонстрируют соединение двух противоположных тезисов.

Во-первых, источник зла в жизни людей лежит в области легитимных суждений и права, т.е. цивилизации, представленной в насильственных формах государства, культуры, обслуживающей идеологию, церкви, формальном деспотизме законов. Во-вторых, искоренение зла связано с этической и религиозной мыслью и метанойей чувств и жизни самого субъекта. Речь идет исключительно о духовном преобразении человека, его работе над самим собой, самопознании и устранении внешнего зла в процессе внутреннего его уничтожения.

Исследовательница подчеркивает, что для Толстого все формы насилия – государственное, революционное или личное – тождественны, если действия направлены на принуждение другого. Важно и то, что, понимая причину зла, человек не имеет права на «клишированность» поступка, каждый раз он должен заново решать, как поступать в каждом конкретном случае. Этот акт, по Толстому, всегда должен быть согласован с совестью.

Подобно Сократу, он всегда оставался верен себе и голосу Бога «в себе», полагая, что решение не может быть дано заранее. С.М. Климова считает, что нагляднее всего эту мысль Толстой демонстрирует в своих художественных текстах: «Его работы наполнены примерами проявления христианской жизни (разумного сознания) в самых тяжелых условиях существования – на войне (“Хаджи Мурат”), в плену (“Война и мир”), в тюрьмах и на каторге (“Воскресенье”, “За что?”), в пространствах внешней несвободы (“Божеское и человеческое”))» [4, с. 76].

От художественных текстов и публицистических трактатов о неучастии во «зле» Толстой переходит к письмам «во власть». Например, в письме 1902 г. к Николаю II он обращается к самодержцу со словами о недопустимости самодержавия. Напоминает царю о том, что тот всем людям – брат во Христе, что он не просто символ власти, но и реальный со-работник Бога. Потому Толстой и настаивает на добровольном отказе от власти путем сознательной демократизации и реформирования России, уничтожения «права земельной собственности», уравнивания людей в свободах. Он ищет слова-предупреждения грядущего кровопролития и насилия, рекомендаций к спасению страны и отдельного человека – Николая II.

Письмо-акция, написанное за три года до первой революции, было воспринято властью как чуждость писателя.

«Способность жить христианскими идеалами не формально, но практически становится заветной мечтой Толстого и одновременно приобретает черты революционного нигилизма в глазах власти и общества. Толстой при этом стоит на позициях философского идеализма, веря в возможность разумного сознания каждого, направленного на ненасильственное преобразование всех» [4, с. 71]. Толстой далек от разрушения власти каким-либо иным способом, кроме внутренней работы человека с самим собой за спасение своей души.

Список литературы

1. Безруков А.А. Проявление толстовства в художественном творчестве писателя // Педагогические идеи Л.Н. Толстого сегодня : сборник материалов Международного научно-практического семинара, посвященного 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого / под общ. ред. Т.М. Балыхиной. – Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 127–129.
2. Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2020. – № 2, т. 24. – С. 165–180.
3. Есман О.С., Калинина Г.Н. Раскрытие экзистенциальных смыслов на примере концепции Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – № 1 (21). – С. 151–154.
4. Климова С.М. «Рискнуть миром для бога», или Об анархических идеях Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 2 (88). – С. 71–84.
5. Кузьменко В.В. Концепция Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием и ее духовная направленность // Грани. – 2020. – № 5, т. 23. – С. 96–104.
6. Римский В.П., Резник С.В., Мюльгаупт К.Е. Учение Л.Н. Толстого о насилии и ненасилии в зеркале русских революций // Наука. Искусство. Культура. – 2019. – № 3 (15). – С. 75–93.